

A futuristic cityscape at night, viewed from a high vantage point. In the foreground, a person with a backpack stands on a balcony, looking out over a wide, glowing blue river. The city is filled with tall buildings, some with large digital billboards. A monorail track runs across the middle ground. The overall atmosphere is one of advanced technology and urban density.

Назар Корчинский

Нейроиндекс 62

Назар Корчинский
Нейроиндекс 62

«Автор»

2026

Корчинский Н.

Нейроиндекс 62 / Н. Корчинский — «Автор», 2026

2042 год. Мир нейроинтерфейсов, где свобода есть — но в рамках, заданных системой. Шестнадцатилетний Алекс Молт имеет тринадцать отклонений за споры с программой. У школьной стены он встречает Надин — девушку, которая вырезала интерфейс и живёт вне сети. Она показывает ему запрещённый фильм, способный разбудить город. Вместе они решаются на взлом — но система уже начала охоту. «Часть 62» — подростковая антиутопия о памяти и свободе, о выборе между системой и любовью, и о реке Миссисипи, которая течёт сквозь все главы.

© Корчинский Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

0	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Назар Корчинский

Нейроиндекс 62

0

За двадцать минут до рассвета река пахла илом и чем-то сладким — может, цветущими магнолиями, может, просто тёплой водой, прогретой за день. Огни даунтауна на том берегу дрожали в Миссисипи, как помехи на старом экране. Надин сидела на перевёрнутой лодке у самой кромки и смотрела, как течёт вода. Чёрная. Маслянистая. Живая. Цикады уже молчали — они замолкают перед рассветом, как будто знают, что скоро станет слишком жарко для песен. Небо на востоке только начинало сереть, но воздух уже был густым и влажным — такая духота бывает только в мае, перед грозой, когда всё замирает и ждёт.

Она достала сигарету. Зажигалка дала искру с третьего раза. Дым пошёл вверх и сразу растаял — ветра не было, он просто растворялся в сыром воздухе.

Где-то на том берегу, в Алжире, зажглось окно. Одно. Пятый этаж, панельный дом у моста. Надин знала, кто там живёт.

Она нашла его неделю назад. Случайно — если можно назвать случайностью то, что она делала каждую ночь. Старый терминал в заброшенном дата-центре, доступ к архивам НейроСфер через дыру в протоколах безопасности — дыру, которую оставил кто-то из старых инженеров, может быть, такой же отступник, как она. Она не искала кого-то конкретного. Она искала всех. Всех, у кого было больше десяти отклонений. Всех, кого система пометила как «потенциально нелояльных». Всех, кто мог стать союзником — или целью.

Алекс Молт. Шестнадцать. Тринадцать отклонений. Мать мертва, отец неизвестен, тётя — офицер полиции. Нейроиндекс 89.4. На голографии — худой парень с тёмными волосами и взглядом, который даже на снимке выглядел так, будто он смотрит сквозь камеру. Не в объектив. Дальше.

Обычные цифры. Таких файлов она просмотрела десятки. Но в самом низу была пометка, которую система поставила автоматически и не смогла объяснить: «Субъект проявляет резистентность к стандартным протоколам коррекции. Природа резистентности не установлена». Такие пометки ставили редко. Обычно перед тем, как человек исчезал из системы навсегда. Надин знала это, потому что видела такие же пометки в других файлах. В файлах людей, которых уже не найти.

Она закрыла терминал в ту ночь и вышла из дата-центра. Но файл остался в памяти. Она возвращалась к нему каждый вечер. Перечитывала. Искала то, что пропустила. И не находила — но что-то не давало ей закрыть его и забыть. Что-то в этом парне с тёмными волосами и взглядом, который смотрит сквозь камеру. Как будто она уже видела его. Не в системе. Не в файлах. Где-то ещё.

На третий день она приняла решение. Школа Рузвельт. Восточная стена. Там камеры не достают — старая магнолия закрывает обзор. Она придёт туда и будет ждать. Может быть, он выйдет. Может быть, нет. Но она должна попробовать. Потому что если он — тот самый, о ком она думала все эти годы... Если он — ключ...

Она затушила сигарету о борт лодки. Достала из нагрудного кармана старую фотографию — чёрно-белую, выцветшую. Девушка у дерева. Улыбается кому-то за кадром. Надин смотрела на неё секунду. Убрала обратно. Она делала так каждый раз перед важным делом — как ритуал, как молитву, как проверку: правильно ли она поступает? Фотография молчала. Как всегда. Но сегодня ей показалось — или уголки губ девушки дрогнули? Нет. Просто свет. Просто усталость.

С реки потянуло ветром — тёплым, влажным. Будет гроза. Она встала и пошла к фургону, припаркованному в заброшенном ангаре. Внутри пахло табаком, книгами и лавандой — она собирала её в заброшенных садах и сушила на верёвке над койкой. Лаванда перебивала запах ржавчины и солянки. Делала фургон почти домом.

Она села на койку. Достала из ящика старую схему — план школы Рузвельт, который она раздобыла месяц назад. Восточная стена. Слепая зона. Три дня. У неё было три дня, чтобы подготовиться. Собрать временный эмулятор. Проверить маршруты отхода. Изучить привычки охраны. Она делала это сотни раз. Но сейчас — впервые за два года — ей было страшно. Не за себя. За него. За того, кто ещё не знал, что за ним наблюдают.

Пора было собираться. Она завела фургон. Двигатель закашлял и заработал. Она выехала из ангара, оставив дверь приоткрытой — на случай, если придётся возвращаться быстро.

На том берегу свет в окне погас. Алекс Молт проснулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.